

Текстологическая концепция издания лирики Бунина

Текстологическая концепция издания лирики Бунина была выработана и опробована при издании двух томов его стихотворений в Большой серии «Библиотека поэта» (2014).

В части определения **основного текста** она сводилась к тому, что

- **источники** для определения основного текста, прежде в сумме своей неизвестные, находятся в разных архивах, — главным образом, РГБ и РАЛ (но также ИМЛИ, РГАЛИ, ОГЛИМТ и др.), их сопоставление и анализ — это фундамент издания;
- помимо черновиков, машинописей с правкой и других привычных материалов к истории текста, к ним относятся авторские (рабочие) экземпляры различных изданий (прежде всего томов «Петрополиса» 1934–1936 годов и «нивского» издания 1915 года), которые сохранились в трех-четыре-пяти экземплярах, каждый из которых демонстрирует многослойную **последовательную и одновременную правку** Буниным своих уже вышедших произведений;
- и если последняя авторская воля — краеугольный камень для принятых в середине XX века изданий классиков — может быть определена и выведена для последовательной правки, но для одновременной правки, которой Бунин подвергал свои стихи в разных экземплярах одних и тех своих изданий, **последняя воля не определима в принципе**: параллельно работая в разных экземплярах, Бунин не свел к единому знаменателю правку каждого восьмого стихотворения (хотя и оставил пылкие указания будущим издателям печатать его впредь именно по этим заново исправленным текстам).
- И это исключает для издателя возможность выбрать в качестве основного текста последний текст, исправленный автором. Стержнем издания таким образом становится **«главная» прижизненная публикация**: если стихотворение входило в «Петрополис» (1934–1936), — значит, она; если в «Петрополис» не входило, но входило в Полное собрание сочинений 1915 года (приложение к журналу «Нива»), — значит, она, а если не входило ни туда, ни туда, — значит, наиболее поздняя и авторитетная прижизненная публикация или, для стихотворений, оставшихся в автографе, — наиболее поздний и авторитетный автограф.

Точно так же, как невозможно издать тексты по последней авторской воле, невозможно принять на веру их авторские **датировки**. Огромное число дат, проставленных Буниным для своих стихов, не выдерживает проверки объективными данными. И здесь речь

- не только о многочисленных случаях типографских опечаток (они становятся явными при сличении разных изданий, где один и тот же текст публикуется с разной датой),
- не только о существенной разнице между датами, оставленными в разных экземплярах одного и того же издания,
- не только о большой, вызывающей сомнения разнице между датой первой публикации и авторской датой под текстом в собрании сочинений или его авторском экземпляре,
- но и о том, что разница между датой итогового автографа и датой в собрании сочинений могла составлять у Бунина 7, 11 и даже 20 лет (причем на 11 и 20 лет «назад» и на 7 лет «вперед»).

Когда это было ошибкой типографского набора или аберрацией памяти, когда — сознательным приемом «подправления» поэтической биографии, — зависит от каждого конкретного случая. Вне подозрений остаются только даты черновых и беловых

автографов, для всех других текстов надо было выработать объективные принципы датировки, и чтобы не входить здесь в их подробности, я просто сошлюсь на текстологическую преамбулу в «Библиотеке поэта».

То, что эта работа может и должна быть продолжена при учете новых данных, прежде не входивших в исследовательское поле, ясно из истории последнего буниного стихотворения «Ночь» («Ледяная ночь, мистраль...»). Впервые напечатанное в «Новом журнале» в 1952 году, оно известно и по двум машинописям, на одной из которых 1952 год напечатан, как и весь текст, на машинке, а на другой вписан от руки (РГАЛИ. Ф. 44, оп. 4, ед. хр. 28. Маш., дата: 1952; ИМЛИ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 40. Маш., дата от руки: 1952). В этом стихотворении ошутим итог поэтического и жизненного пути, преддверие и отражение вечности, и это впечатление подкреплялось до сих пор принятым временем его создания Буниным: за год до смерти, в болезни, немощи и абсолютно ясном сознании.

И вот уже после издания «Библиотеки поэта» в готовящейся сейчас к изданию переписке И.А. и В.Н. Буниных (в письме В.Н. Буниной от 18 октября 1938 года) обнаружилось крошечное упоминание, которое полностью переворачивает это представление. В это время — осенью 1938 года — В.Н. Бунина живет в Париже, Бунин в Бослее, пишет и посылает ей на перепечатку стихи и первые рассказы «Темных аллей». 18 октября Вера Николаевна, отзываясь на присылку новых произведений, пишет Бунину: «Очень мне понравились стихи, особенно... Ледяная ночь» (РАЛ MS.1067A/195). Никакой другой текст, кроме «Ледяная ночь, мистраль...», сюда не подходит, и другие биографические подробности, всплывающие из той же переписки, подтверждают то, что прежде было скрыто: стихотворение было если не написано, то хотя бы задумано и первоначально записано Буниным в октябре 1938 года, затем много лет пролежало в его столе и было извлечено на свет в 1952-м. Тогда оно было, возможно, отредактировано (автографа не сохранилось), датировано последним обращением к нему и отдано в печать.

Скорее всего, это далеко не последний случай, когда дату того или иного текста придется корректировать исходя из тех данных, которые только сейчас вводятся в научный оборот. Но все подобные поправки придется вносить уже при следующем издании буниной лирики, которое вполне может стать и частью полновесного издания его творческого наследия в целом.

По сравнению с «Библиотекой поэта» в этом новом научном издании особого внимания достойны вопросы **состава текстов и структура основного раздела**.

Относительно **состава текстов** мы опять-таки неизбежно нарушаем волю автора, по-разному выраженную в разных экземплярах его изданий, — выполнить ее нельзя так же, как нельзя ее выполнить относительно последней версии текста и его датировки. Напомню, что в «Библиотеку поэта» вошли

- стихи, которые сам автор включал в свои издания, начиная с первого поэтического сборника 1891 года до последнего сборника стихов и рассказов «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» 1953 года — они составили основной раздел;
- стихотворения 1887–1952 годов, которые были напечатаны Буниным только в периодике, равно как и стихотворения 1891–1952 годов, которые остались не напечатанными вовсе, — они составили раздел «Стихотворения, не вошедшие в авторские издания»;
- наброски и отрывки неоконченных стихотворений, как правило, последних десятилетий, — им отведен раздел «Неоконченное»;
- переводы, которые до 1902 года (то есть до сборника «Новые стихотворения») Бунин печатал в общем потоке своих стихов, — они так и печатаются в общей хронологии

текстов. Переводы более поздних лет, изначально печатавшиеся Буниным отдельно, и «большие» переводы из Байрона и Лонгфелло остались за пределами издания, нацеленного на оригинальное творчество поэта.

Ясно, что при подготовке всего поэтического наследия Бунина, помимо названных блоков текстов, встанет вопрос о публикации

- его ранних, юношеских стихотворений, самим Буниным не опубликованных;
- переводов — «больших» («Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло и трех мистерий Дж. Г. Байрона: «Каин», «Манфред», «Небо и земля») и «малых» (ряд текстов 1900–1910-х годов);
- стихотворений «на случай», шуточных, стилистически сниженных и зачастую наполненных нецензурной лексикой, которые вполне привольно существовали в домашнем обиходе Бунина, но едва ли мыслились им как часть поэтического наследия.

На мой взгляд, для всех трех групп текстов можно было бы предложить свои — дополнительные — разделы, но основной раздел лучше оставить таким же, то есть включить в него именно и только те стихи, которые сам Бунин напечатал в своих сборниках и собраниях.

Основания для такого решения следующие:

- Бунина не получится напечатать так, как он повелел в указаниях «К моему литературному завещанию», то есть впрямь (или хотя бы в основном разделе) печатать только те стихи, которые вошли в «Петрополис», а также те, относительно которых автором сделаны распоряжения на рабочих экземплярах «нивского» собрания 1915 года, плюс отобранные им переводы, — в разных авторских экземплярах «нивского» собрания отмеченные тексты не совпадают, а рядом с некоторыми оставлен «?», что должно означать авторское сомнение в выборе.
- Бунина не получится напечатать, поместив в основной раздел только те стихи, которые вошли в два главных его собрания сочинений: «Нивы» и «Петрополиса» — это вызвало бы необходимость создать для не вошедших в них текстов, написанных тем не менее в зрелые годы и напечатанных в других авторских изданиях, еще один раздел, — такая дробность не имеет смысла: бунинские современники читали не только собрания его сочинений, но и промежуточные сборники.
- Бунина не получится напечатать по «книгам» или «сборникам» — его стихи перетекали из одного издания в другое, и следуя публикации по изданиям, мы оказываемся перед необходимостью несколько раз воспроизводить один и тот же текст.

Таким образом, повторю, наиболее логичным наполнением основного раздела мне кажутся стихи из прижизненных изданий. Расширение или, напротив, сокращение его неизбежно привело бы к искажению того масштаба, которым Бунин присутствует в истории русской поэзии конца XIX – первой половины XX века.

Композиция, то есть **структура основного раздела** в «Библиотеке поэта» основана на хронологическом принципе. Хотя Бунин и не соблюдал абсолютную хронологию при публикации своих текстов, но он последовательно выделял в своих собраниях хронологические разделы и настойчиво просил печатать стихи в хронологическом порядке. Издателю легко пойти навстречу этому пожеланию, а порядок стихотворений внутри одного года разумнее всего определить либо по порядку в ближайшем к дате написания авторскому изданию, либо (если они не включались в издания) хронологией установленных публикаций.

Однако этой хронологии, следуя логике поэтического развития автора (да и для удобства читателя), стоит придать некоторую внутреннюю структуру. В «Библиотеке поэта» основной раздел поделен на четыре периода:

- стихи 1887–1899 годов (время становления Бунина-поэта),
- стихи 1900–1909 годов (от стихотворений, вошедших в «Листопад», до переломного в литературной репутации Бунина 1910 года, когда была напечатана «Деревня»),
- стихи 1910–1919 годов (вместе с предыдущим разделом он представляет наиболее яркий и плодотворный этап творчества, совпадающий со временем наибольшего прижизненного признания Бунина на родине, и заканчивается последними стихами, написанными в России),
- стихи 1920–1953 (годы эмиграции).

Таким образом, поэтические этапы соотносятся с биографическими вехами, и Бунин-поэт предстает в единстве своей поэтической и человеческой судьбы.

Применимо ли это для издания другого типа — вопрос открытый. С одной стороны, можно было бы стихи каждого года печатать самостоятельными разделами. С другой стороны, у Бунина множество текстов, имеющих растянутую датировку в два года и больше, — составлять и из них самостоятельные разделы было бы слишком мелко.

Совершенно ясно, что в полном научном издании должен сохраниться **раздел «Другие редакции и варианты»** — его функции в издании Бунина сравнительно с изданием других авторов расширяются, так как в нем отражена не только предыстория текста, предшествующая «главной» публикации, но и «послесловие» к ней, то есть позднейшая правка автором уже «окончательно напечатанного» текста, не отраженная в прижизненных изданиях.

Совершенно ясно, что может и должен быть расширен **комментарий** (и мне кажется, что здесь особое значение принадлежит связям Бунина как с поэзией XIX века, так и с современной ему поэзией разных направлений, — в конце концов именно на этом можно увидеть собственное бунинское своеобразие).

В «Библиотеке поэта», кроме того, был сделан отдельный **указатель «Стихотворений, включавшихся Буниным в циклы и подборки стихов»**, — так легче следить за движением отдельных стихотворений, и это намного облегчает комментарий, позволяя делать только отсылки к циклам и уже по ним восстанавливать контекст (обычно) первой публикации.

Итак, я бы сказала, что по сравнению с «Библиотекой поэта» поэтическая часть будущего бунинского собрания может быть

- дополнена за счет новых разделов: «Ранние стихи», «Стихи, не предназначенные для печати», а также «Переводы», вполне способные составить самостоятельный том;
- скорректирована с учетом новых, полученных в текущей работе с бунинскими материалами (РАЛ, ОГЛМТ, материалы из фондов других лиц в российских и зарубежных архивах).

Так или иначе **основная задача научного издания** видится мне в том, чтобы сегодняшний читатель увидел Бунина глазами его просвещенного современника — того гипотетического, почти идеального читателя, который следил за поэтическим развитием Бунина, мог оценить его главные собрания 1915 («Нива») и 1934–1936 годов («Петрополис») и прочесть их как в историко-литературной перспективе своего времени, так и в контексте той колоссальной работы, которую поэт вел над своим наследием до последних дней жизни.